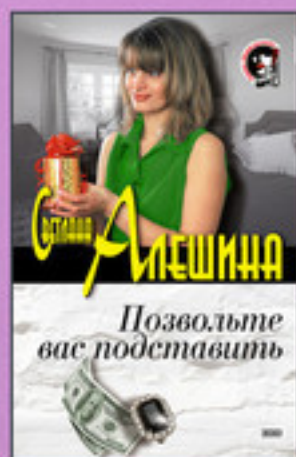

Светлана Алешина

Позвольте вас подставить

*Часть сборника
Позвольте вас подставить
(сборник)*

Новая русская

Светлана Алешина

Позвольте вас подставить

«Научная книга»

2003

Алешина С.

Позвольте вас подставить / С. Алешина — «Научная книга»,
2003 — (Новая русская)

«...Лариса не прислушивалась. Она тихо сидела в кресле и предавалась мечтам о том, как они завтра с Романом и Ириной поедут на дачу, как будут кататься на катере, не слушая причитаний матери и тетки. Но тут дверь распахнулась, и на пороге возникла Екатерина Андреевна.— Рома, Рома! — закричала она. — Послушай, чего у нас происходит-то! Прямо с ума сойти можно! Татьяна исчезла!— Какая Татьяна? — машинально спросил Роман, хотя ему это совершенно не было интересно.— Да как какая? — всплеснула руками теща. — Соседка наша, из второго подъезда! Второй день уж дома нет! Все на ушах стоят! Ты, Рома, скорей беги да разберись! Я так думаю, что это как раз по твоей части!— Стоп, стоп! — охладил пыл тещи Роман. — Куда бежать? Зачем? Почему по моей части?— А как же! Ты же на адвоката учился! — с непробиваемой логикой объяснила та.— А при чем тут адвокаты? Кого нужно защищать?— Да не защищать! А Татьяну искать! Может, с ней случилось чего? ...»

© Алешина С., 2003

© Научная книга, 2003

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Алешина

Позвольте вас подставить

Глава 1

Татьяна всю ночь ворочалась, вздрагивала и никак не могла полностью окунуться в крепкий сон. Заснуть, да нет, даже не заснуть, а провалиться в какое-то забытие, удалось только под утро. И естественно, тут же раздался звонок будильника. Татьяна слышала его сквозь сон, но отреагировать не хватило сил. Будильник выключил муж. Выключил и сразу же поднялся. Пошел в ванную, на кухню, а потом вернулся к постели.

– Таня, вставай! – громко позвал он. – Вставай, ты уже спишь пятнадцать минут лишних.

Вставать не хотелось смертельно. Но надо, потому что, как обычно, идти на работу. На работу, которая уже стала просто противной. Каждый день одно и то же, с девяти до шести, один и тот же коллектив, одни и те же лица, занятия. Да и зарплата одна и та же уже давно и повышаться не собирается. Надоело!

И вообще все надоело! И дома тоже надоело! То же самое однообразие. Но не приятное однообразие, которое называется стабильностью, покоем и семейным счастьем, а рутинное, давящее и изнуряющее. Покоя никакого нет, а счастья и подавно. Татьяна давно уже убедилась, что дома ее не ждут. Вернее, ждут только для того, чтобы заявить о том, что пора ужинать. Да и не ждут, а ждет, потому что дома, кроме нее, живет только муж. Детей нет, так уж случилось. И пробовать что-то по-другому уже не получится.

Казалось, все равно можно жить счастливо и без детей, но вот не складывается. Отдалились незаметно, стали, по сути, чужими, как квартиранты под одной крышей. Виктор говорит, что это все ее выдумки, что голова забита не тем, чем нужно... Но ведь раньше же не была забита! Потому что раньше было по-другому. И любовь была, и общие радости, а потом все куда-то делось. Куда? Непонятно. Просто так, само собой развеялось, рассеялось и исчезло.

Татьяна давно себе сказала, что нужно что-то менять, даже придумала как, но ведь он не соглашается! Его это не волнует, у него только собственные проблемы, а ее мысли кажутся дурью. И все-таки она не хочет отступать. Если сейчас отступить, то так и будешь жить до конца дней в этой рутине и нелюбви.

– Таня, уже восемь, тебе через полчаса выходить, – снова заглянул в комнату Виктор.

Татьяна, не отвечая, с трудом заставила себя подняться и пошла в ванную.

«Ничего, ничего, это ненадолго, – утешала она себя, стоя под теплыми струями душа. – Немного осталось, а потом все будет по-другому. И настроение по утрам тоже будет другое».

Выйдя на кухню, она увидела, что Виктор уже позавтракал бодибродами с колбасой и теперь пил кофе, уткнувшись в газету. И это тоже обидело.

«Хоть бы спросил о чем-нибудь! – с нарастающей злостью подумала она. – Или бутерброды на двоих сделал! Я для него и обеда и ужины готовлю, а ему на меня совершенно наплевать!»

– Тебе налить кофе? – поднял голову муж.

– Не надо, я сама! – сквозь зубы процедила Татьяна, уже закусившая удила.

Виктор пожал плечами и снова углубился в чтение. Но Татьяна завелась. Налив кофе и решив не тратить времени на завтрак – и так действительно лишние полчаса провалялась в постели, – она обратилась к Виктору:

– Ты меня отвезешь на работу?

– Я же тебе говорил, что машина сломалась, сегодня закончу ремонт.

– А мне теперь на троллейбусе добираться? Я и так опаздываю!

– Езжай на маршрутке, то же самое по времени, что на машине.

– Не то же самое! – упрямо возразила Татьяна. – К тому же в машине удобнее. А ты все другим чинишь, пока наша сломана! Нет бы ею в первую очередь заняться!

– Не получилось в первую очередь, я же тебе объяснял. Сразу несколько заказов – их что, бросить? И деньги бросить? – возразил Виктор.

– А жена теперь неизвестно на чем должна добираться!

– Господи, Таня, ну поймай левака, в конце концов! – не выдержал муж. – Раз уж так нужно.

– Нужно! Не очень-то мне и нужно, – тут же сказала Татьяна. – И вообще мне эта работа не нужна! Я сто раз тебе говорила!

– А я тебе сто раз говорил, чтобы ты увольнялась, если тебе там не вмоготу! – повысил голос Виктор. – Но ты же сама не уходишь, только жалуешься.

– Увольняться? Да? И сидеть дома? – закричала Татьяна. – Взаперти целыми днями?

– Никто тебя не запирает, – буркнул Виктор.

– А чем заниматься? Обед готовить, стирать, гладить... Может быть, мне еще вышивать научиться? Я и так достаточно времени на хозяйство трачу! – В голосе Татьяны появились слезы.

– Ты чего хочешь-то? – не выдержал Виктор, отставляя чашку. – Конкретно можешь сказать? А то – и так не хочу, и эдак!

– Я тебе уже говорила, чего я хочу! Заниматься другим делом!

– Если ты опять про свой... – начал муж, но Татьяна перебила его:

– Да, опять! И буду опять! Потому что для меня это важно! Ты вон как хорошо устроился – занимаешься своим бизнесом, он тебе нравится, да еще и деньги приносит! Встаешь когда захочешь, идешь когда захочешь, а я что? Из-за грошовой зарплаты каждый день на работу и обратно, туда-сюда, и в снег, и в грязь! А ради чего?

– Еще раз тебе говорю – увольняйся!

– А дома...

Разговор, как всегда в последнее время, закончился скандалом. Татьяна ушла разобитая, так и не допив кофе и не став завтракать. Выйдя из маршрутки, она поднялась в офис и устало плюхнулась на стул, включая компьютер.

– Чего с утра такая смурная? – спросила подруга Маша, включая электрочайник и собирая со стола чашки с намерением их помыть.

– Да! – Татьяна только рукой махнула.

– Опять с Виктором поругались?

Татьяна не ответила.

– Ладно, я сейчас чашки вымою, мы с тобой кофейку попьем, и расскажешь, что на сей раз, – усмехнулась Маша, выходя из комнаты.

Татьяна в это время рассеянно смотрела на экран, машинально щелкая мышью и загружая нужные файлы. Голова у нее была забита своими мыслями, она постоянно возвращалась к сегодняшнему разговору с мужем. Собственно, разговоры на эту тему возникали в последнее время часто, и Виктор всегда реагировал одинаково. Татьяну это не устраивало. Она не хотела понимать, почему муж ведет себя именно так, у нее было одно объяснение – ему жалко денег. О том, что стоит за этим, она не задумывалась.

Вернулась Маша, выключила чайник и разлила по чашкам кофе, благо что у них на работе его выдавали бесплатно. Татьяна молча кивнула, взяла свою чашку и отпила глоток. Обжегшись, чертыхнулась, резко отодвинула чашку и совсем надулась. Маша с легкой улыбкой следила за ней, зная, что подруга долго не выдержит и примется рассказывать. Посидев некоторое время с хмурым видом, Татьяна сказала:

– Блин, ну когда же он перестанет вести себя так по-свински!

- Ты о чем? – поинтересовалась Маша, не уточняя, потому что это и так было понятно.
- Когда он перестанет думать только о себе?
- А о тебе кто же думает?

– А обо мне, выходит, только я сама! – Татьяна снова придвинула чашку и стала пить кофе. – Ему до меня совсем дела нет! В кои-то веки попросила денег, а он не дал.

Маша выразительным взглядом окинула фирменный костюм Татьяны, а также дорогие украшения. Татьяна, заметив это, отмахнулась:

- Да все это ерунда! Я же не на новые сережки попросила, а на серьезное дело!
- Значит, он не считает его серьезным, – пожалала плечами Маша.

– Вот именно! – вскакивая со стула, нервно заявила Татьяна. – Он и меня такой не считает! Он меня вообще за дуру держит! И не только душой считает, но и стервой! Хотя я для него... – Татьяна замолчала. Она не нашлась чем завершить фразу. Справедливости ради, вспомнив свою жизнь в последнее время, она не смогла ответить, что, собственно, она делала для мужа? Однако смириться с этим, особенно сейчас, совершенно не хотелось, и она продолжила стандартно и не совсем удачно: – И стираю, и убираю, и жрать готовлю!

– Ну, а он деньги зарабатывает, – естественно, тут же парировала Маша. – Нормальное разделение труда. Знаешь, мне вообще кажется, что тебе стоит выбросить эту дурь из головы. А то вы окончательно разругаетесь. Тебе это надо?

– Кажется, это уже и так произошло! – мрачно сказала Татьяна, снова плюхаясь на стул.

– Так вот ты с ним сначала отношения наладь, а потом добивайся своего, – посоветовала Маша. – А то рывкаешь на него, а потом заявляешь, что тебе деньги нужны.

– Но мне они и в самом деле нужны! Я же тебе объясняла на что! – воскликнула Татьяна. – Ты что, тоже против меня?

– Да вовсе нет, – запротестовала Маша.

– А что же ты тогда его все время защищаешь?

– Потому что мне кажется, что ты не права. Подумай, Тань, действительно ли тебе это так нужно?

– Нужно, – упрямо мотнула головой Татьяна. – Я тебе рассказывала... Ты вот говоришь – отношения наладить. Я для этого и задумала свое дело, чтобы доказать ему, что я тоже много что могу, что он зря меня душой считает.

– Вот чем больше будешь про свое дело твердить, тем больше будет считать, – убежденно заявила Маша. – Не переубедишь ты его.

Но Татьяна уже не хотела слушать никаких аргументов.

Дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Галина Андреевна, технический редактор фирмы «Ваша книга», полная крашеная блондинка за сорок. Она поприветствовала женщин и осведомилась:

– О чем с утра спор?

– Да так, – махнула рукой Маша. – Разговор на нескончаемую тему.

– Завтра справочник сдавать по кардиологии, – напомнила Галина Андреевна. – У нас рисунки готовы?

– Я схожу к художникам, – буркнула Татьяна. – Сегодня обещали закончить.

– Ты чего хмурая-то? – снимая плащ, спросила Галина Андреевна.

– Ничего! – огрызнулась Татьяна. – Это у вас, Галина Андреевна, всех забот – дочь да внуки, а у меня...

– Да уж, у тебя забот полон рот, – усмехнулась женщина.

Татьяна явно собралась было вспылить, но Маша предупреждающе взяла ее за руку.

– Пойдем-ка покурим, – предложила она.

– Вот-вот, – поддержала Галина Андреевна. – Покурите, нервы в порядок приведите.

– Мои нервы никого не касаются! – огрызнулась Прошакова, дернулась и резко вышла в коридор, грохоча каблуками.

Маша со снисходительной улыбкой посмотрела ей вслед, Галина Андреевна покачала головой.

– Опять с мужем с утра поскандалила? – кивнув на дверь, спросила она.

– А то с кем же, – вздохнула Маша, двигаясь к выходу. – Ладно, Галина Андреевна, к обеду у нее это пройдет, сами знаете.

– Знаю, да только утомили ее перепады настроения, – в ответ вздохнула технический редактор.

Когда Маша подошла к курилке, Татьяна уже сидела на колченогом стуле и нервно дымила. Маша присела рядом.

– Не надоело каждый день из-за одного и того же себе нервы портить? – спросила она.

– Надоело! И вообще мне все надоело! – зло ответила Прошакова. – Уволюсь к чертовой матери.

Маша только плечами пожала. В коридоре слышались тяжелые шаги, и вскоре в курилку, пыхтя и отдуваясь, протопал очень полный мужчина лет сорока, в очках, страдающий одышкой. Увидев девушек, он заулыбался.

– Где еще можно встретить наших подружек! – всплеснув руками, с преувеличенной радостью и весельем воскликнул он.

– Здравствуйте, Филипп Викторович, – поприветствовала его Маша, а Татьяна молча кивнула.

Однако при появлении этого мужчины она постаралась стряхнуть с лица мрачное недовольное выражение и даже изобразила на нем подобие улыбки.

– Танечка, книжка будет готова до завтра? – как-то грустно спросил Филипп Викторович.

– Да-да, – заверила его Татьяна. – Уже почти готова.

– И фотографии вставлены? – причмокнув губами, уточнил толстяк.

– Конечно! – не моргнув глазом сказала Прошакова.

– Очень хорошо, Танечка, очень хорошо. Раз все почти готово, можете зайти ко мне в кабинет, девочки, кофе попьем...

И он, тяжело переваливаясь, двинулся дальше по коридору.

– Ты что, – толкнув подругу в бок, зашептала Маша. – У нас же еще ничего не готово! Сегодня нужно весь день вкалывать, чтобы успеть!

– Ничего, – отмахнулась Татьяна. – Первый раз, что ли? Он проверять все равно не будет, ему же лень! А сегодня поднажмем как следует и все закончим. Там в принципе не так уж много.

– Ох, не знаю... – протянула Маша.

– Да ладно тебе! – с досадой одернула ее Таня. – И так тошно! Говорю тебе, что успеем, не нагоняй тоску! А будешь охать, тогда вообще лучше иди к художникам в кабинет! – неожиданно разозлилась она. – И не мешай мне! Я без тебя справлюсь!

Татьяна с силой вмяла сигарету в пепельницу, сломав ее при этом, резко поднялась и порывисто прошагала к кабинету. Маша еще раз вздохнула, покрутила пальцем у виска и стала спокойно докуривать.

До обеда они с Татьяной почти не разговаривали, Маша избегала обращаться к ней с вопросами. Она молча делала свою работу, стараясь успеть как можно больше, то и дело переговариваясь с Галиной Андреевной. Татьяна сидела, уткнувшись в компьютер, и молчала. Около часа дня в кабинет заглянул Филипп Викторович Астахов, заместитель директора фирмы «Ваша книга», тот самый толстяк, что с утра интересовался, закончена ли книга, и теперь пребывал в уверенности, что да.

– Девочки, – с улыбкой обратился он ко всем трем женщинам. – Прошу ко мне в кабинет на кофе. Вы знаете, он у меня особенный! – хитровато подмигнул зам.

Кофе у Филиппа Викторовича и впрямь был особенным за счет того, что он добавлял в него настоящий на травах бальзам, что придавало напитку специфический вкус, а также легкое хмельное настроение после его употребления внутрь.

– Простите, Филипп Викторович, я в перерыве в магазин хотела сбежать, – отказалась Галина Андреевна, с недоумением глядя на заместителя директора.

– И я тоже, – добавила Маша, не поднимая глаз.

– А я приду! – решительно заявила Татьяна, поднимая голову от компьютера. – Пойдемте, Филипп Викторович.

И не обращая ни на кого внимания, гордо вскинув голову, она прошагала за замдиректора по коридору в его кабинет. Оставшись вдвоем, Маша с Галиной Андреевной переглянулись и развели руками.

– Ну что она творит?! – воскликнула технический редактор. – И так еле-еле успеваем, а она кофе пить! И Астахов тоже хорош! Знает, что нам книжку доделывать...

– Не знает, – перебила ее Маша. – Танька ему сказала, что почти все готово.

Галина Андреевна только руками всплеснула.

– Ну что это такое? – возмущенно продолжала она. – И нас подводит, и себя! Сама увольняться собралась, ей наплевать на нас! А мы-то останемся с какими глазами?

– Ладно, – вздохнула Маша. – Давайте работать, Галина Андреевна. Я так поняла, вы ни в какой магазин не собираетесь?

– Нет, конечно! Это я Астахову сказала, чтобы отвязаться.

– Ну тогда вперед, – кивнула Маша, и обе женщины склонились над клавиатурами.

* * *

Татьяна Прошакова сидела в кабинете Филиппа Викторовича Астахова, пила уже третью чашку кофе с бальзамом, беспечно помахивая носком туфли.

– Филипп Викторович, а у вас в прошлый раз конфеты были с вкусной начинкой, – напомнила она. – Остались?

– Да, Танечка, конечно. – Пыхтя, Филипп Викторович поднялся с места и прошел к холодильнику, доставая большую коробку шоколадных конфет и выставляя ее на стол.

– И бальзамчику еще захватите! – крикнула ему Татьяна.

Она в этом плане была бесцеремонна и откровенно пользовалась добротой Астахова. Когда-то на свой день рождения заместитель директора проявил щедрость к своим подчиненным, пригласив их в свой кабинет, дабы вместе отметить знаменательное событие. Потом он иногда приглашал девчонок просто поболтать и попить кофе, если книга была закончена и работы было мало, потом некоторые стали заглядывать и сами, а Татьяна в этом плане просто села безотказному Филиппу Викторовичу на шею. Она приходила в его кабинет в любое время, сама просила налить ей кофе, рассказывала о своей жизни... Поначалу Филипп Викторович относился к этому спокойно, задавал вопросы о том, как Татьяна живет, – ему это было интересно. А потом и сам не заметил, как посещения Прошаковой превратились для него в обузу: женщина вела себя нагло, а слабохарактерный и мягкотелый Астахов не мог поставить ее на место. К тому же Татьяна была исполнительной сотрудницей, работу сдавала в срок, так что конфликтовать с ней не хотелось...

С директором фирмы «Ваша книга» Сергеем Аркадьевичем Вавиловым, человеком жестким и сухим, такой номер не прошел бы, и Татьяна это прекрасно понимала. Она и пользовалась добротой Филиппа Викторовича, причем выставляла это так перед остальными сотруд-

никами, словно он ее покровитель и она у него на особом счету. Этим она объясняла свое мнимое привилегированное положение.

Маша Кудрявцева знала, что все это зиждется лишь на врожденной наглости подруги, неоднократно предупреждала, чтобы та не злоупотребляла добротой Филиппа Викторовича, но Татьяна не была бы Татьяной, если бы вела себя по-другому. Не имея в реальной жизни оснований для того, чтобы проявить власть, она создавала иллюзию этого для своих коллег, наглым образом делая вид, что стоит над всеми остальными, повышая собственную самооценку в первую очередь для себя. Остальные это понимали, но старались не спорить с Прошаковой, зная ее вредный и взрывной характер. Просто помалкивали, улыбаясь про себя. Иногда, когда Татьяна совсем уже переходила всякую грань, кто-то из коллег не выдерживал и высказывал свое возмущение вслух. Прошакова пробовала ерепениться, но, выслушав тихое замечание подруги Маши, остывала, вспомнив, что на самом деле она такая же, как и все, и некоторое время вела себя тихо. Она улыбалась, заглаживая вину перед тем, кого обидела, делала какие-то угощения, а потом... Потом все забывалось, и Татьяна вновь превращалась в мегеру.

Но Филипп Викторович обо всех этих закулисных передрягах ничего не ведал, а если бы и узнал, то был бы крайне удивлен и огорчен. Он всегда гордился дружным и сплоченным коллективом, сложившимися теплыми отношениями и искренне пытался сделать их еще более дружественными.

– Пейте, пейте, Танечка, – подливая Татьяне бальзама в кофе, причмокивал он. – Как жизнь, как здоровье?

– Да здоровье ладно, – махнула рукой Прошакова. – А жизнь... Вы же знаете, Филипп Викторович, какая у меня жизнь! Угроздило выйти замуж за этого дуболома!

– Танечка! – с отеческим укором произнес Филипп Викторович. – Нельзя уж так. По-моему, ты несправедлива к своему мужу.

– Ну конечно! Я несправедлива! Да он совсем забыл о том, что я его жена! Ему до меня дела нету! Придет вечером, сразу ужин ему подавай! А от самого маслом машинным воняет и еще чем-то там! А помыться лень!

Филипп Викторович с легкой и грустной улыбкой слушал эмоциональные и непоследовательные высказывания своей подчиненной. Он все прекрасно понимал, однако... Филипп Викторович жалел женщин. Уже за одно то, что они женщины, считая, что женская участь гораздо тяжелее мужской и что к таким вот проявлениям женской натуры нужно относиться терпимо и с пониманием.

У самого Астахова личная жизнь, можно сказать, не сложилась, в чем он не признавался даже самому себе. Внешне это была образцовая семья: он, жена и двое детей. Жена была женщиной жесткой, властной и себялюбивой. Мужа своего она искренне считала тряпкой и всячески помыкала им. А Филипп Викторович полагал, что так оно и должно быть, что он на то и мужчина, чтобы безмолвно сносить насмешки и попреки и сохранять семью. Вместе супруги жили уже пятнадцать лет, и он сам не заметил, как постепенно между ними не осталось любви и даже уважения: только жалость и горечь с его стороны, и злоба и презрение – с ее.

Со стороны на них не могли нахвалиться, жена ставила заботливого и спокойного Филиппа в пример другим мужьям, и только близкие люди понимали, насколько эта семья далека от самого понятия семьи. В глубине души и Филипп Викторович осознавал, что все вышло не так, как он мечтал, но путей к изменению не видел, о том, чтобы развестись с женой, и помыслить не мог, так что потихоньку продолжал привычное существование, с грустью оправдывая поведение супруги тем, что она устает дома с детьми, что часто болеет, и от ее внушений уверился, что мало приносит жене денег, уделяет внимания.

Он с интересом выслушивал своих сотрудниц, думал над их судьбами, жалел и желал им счастья. Так уж получилось, что больше всех он уделял времени своей подчиненной Татьяне Прошаковой, и не потому, что сильнее других симпатизировал ей, а потому, что Татьяна наибо-

лее ярко и демонстративно рассказывала о проблемах своей семейной жизни. Делиться этими проблемами на работе было ее основным и любимым занятием. Вот и сегодня, сидя с Филиппом Викторовичем за одним столом, она оседлала любимую тему и беззастенчиво грузила Астахова своими мнимыми проблемами.

– Я уже решила однозначно, – пристукивая кулаком по столу, говорила Татьяна, – если не пойдет на мои условия, подам на развод! Но только так, чтобы до нитки его раздеть! Я ему ничего не оставлю! И неважно, что у нас ребенка нет. Я ему жена законная, прожила с ним, слава богу, десять лет. Вернее, не слава богу, а черт бы их побрал, эти годы! Всю молодость на него угробила! Могла бы, между прочим, гораздо лучше себе найти.

– Танечка, очень трудно найти идеального человека, – вздыхал Филипп Викторович. – Точнее, невозможно, потому что его просто не существует.

– Ой, да у меня такие женихи были! – резко выбросила вперед руку Татьяна. – А я позарилась на его рожу смазливую!

– Еще неизвестно, как бы с кем-то другим сложилась жизнь, – осторожно заметил Астахов. – Могло быть куда хуже. Я вообще считаю, что тебе еще повезло.

– Ах, повезло? – Татьяна чуть не задохнулась от гнева. – Ну, знаете, Филипп Викторович, это уже просто... ни в какие ворота! Да вы что, издеваетесь надо мной?

– Ну что ты, Танечка, у меня и в мыслях не было! Успокойся, выпей еще бальзамчика... – постарался сгладить неприятный момент Астахов.

Татьяна вышла из кабинета замдиректора перед самым концом рабочего дня, будучи основательно под хмельком. Она прошествовала к своему рабочему кабинету, гордо тряхнула крашеными в темно-рыжий цвет кудрями и рванула дверь. Споткнувшись у порога из-за высоких каблуков, она пролетела вперед и спаслась от падения только потому, что крепко ухватилась за дверную ручку. Маша и Галина Андреевна встретили ее появление молчанием.

– Ну? – насмешливо обратилась к ним Татьяна. – Что так уставились?

– Вот, – сухо сказала Маша, кивнув на высокую стопку в углу кабинета. – Все уже сверстано, завтра можно отсылать.

– А-а-а, – протянула Татьяна. – Осуждаете меня, да? В смысле, вы такие работницы золотые, а я одна тунейдка! Ну конечно! А то, что я за компьютером ночами просиживала, уже никто не помнит!

– Таня, ты выпила лишнее, езжай домой. Завтра поговорим, – сказала Галина Андреевна, надевая перед зеркалом шляпу.

– А вот то, что я выпила, касается только меня! – резко ответила Прошакова.

Маша, не обращая на нее внимания, попрощалась с Галиной Андреевной и прошла к выходу.

– Что тут будешь делать?! – с усмешкой покачала головой Татьяна. – Лучшая подруга, и та выражает мне свое презрение! Да я вообще на вас всех плевать хотела!

– Таня, я запираю кабинет, – предупредила Галина Андреевна.

– Да пожалуйста! – зло сказала Прошакова, выходя за дверь.

Она постояла некоторое время в коридоре, думая, что, может быть, Маша ждет ее, потом стала спускаться по лестнице. В этот вечер подруги впервые за все время совместной работы отправились домой порознь. Татьяна решила пройтись пешком, по дороге накручивая себя еще больше, и явилась домой злая. Муж уже вернулся и сам разогревал ужин. Только мельком взглянув на жену, он понял, что с ней сейчас лучше не вступать ни в какие разговоры, и молча продолжал заниматься своим делом. Татьяну такое положение дел решительно не устраивало. Она, не переодеваясь, прошла в кухню и села на стул с сигаретой в руках.

– Я увольняюсь с работы! – Первое, что заявила она.

Виктор пожал плечами, перемешивая макароны на сковороде.

– Ты что, не слышишь? – повысила голос жена.

- Я прекрасно слышу, Таня, – отозвался муж.
- И ты так спокойно реагируешь?
- А что я должен делать? Впасть в панику? Мы же обсуждали это не один раз, и я считаю, что лучше тебе уволиться, чем мне постоянно наблюдать твоё недовольство.
- Отлично! И ты даже не поинтересуешься причиной? – продолжала заводиться Татьяна.
- Да мне давно известны причины, ты мне сама о них говорила. Зарплата маленькая, работа нудная, коллектив не устраивает... Ну, не хочешь там работать, не надо. Я разве возражаю?
- А как я буду дальше жить, тебя не волнует?
- А как ты сама собираешься? Кстати, есть будешь? Все готово.
- Не буду я есть! – с гримасой отвращения отодвинулась от стола Татьяна. – У меня сейчас поважнее заботы. Я тебе еще раз повторяю: я не собираюсь сидеть дома, я хочу открыть свое дело.
- Открывай, – махнул рукой Виктор.
- Так ты дашь мне денег? – быстро спросила Татьяна.
- Я же тебе тоже уже говорил, что нет. Сколько можно повторять?
- Да ты что, издеваешься? – вскричала супруга. – Как же я смогу что-то начать?
- Да не надо тебе ничего начинать, вот мое категорическое мнение! – Виктор начал выходить из себя.
- Почему?
- Потому что у тебя ничего не получится. Господи, сто раз уже говорили! Голова уже болит от этого!
- У меня серьезная идея.
- Очень серьезная! – фыркнул Виктор. – Ты хотя бы можешь четко определить, что конкретно за дело ты собираешься открыть?
- Это не важно! Собственный бизнес всегда приносит прибыль, на кого хочешь посмотри! – Тон Татьяны был безапелляционным.
- Виктор устало опустился на табуретку и принялся есть прямо со сковородки.
- Как свинья! – прошипела Татьяна.
- Виктор, не отвечая, продолжал есть.
- Давай сначала договорим, потом будешь жевать! – не отставала Татьяна.
- Да о чем говорить-то?! – не выдержав, бросил вилку муж. – Не знаешь ничего толком, а лезешь куда-то! Мои мастерские и точки постоянно охаиваешь, а живем мы, между прочим, только за счет доходов с них!
- А свой гараж тебе зачем? – ухватила за другую тему Татьяна. – Зачем сам свою машину чинишь, почему на станцию техобслуживания, между прочим, не отдашь? Вечно грязный, в масле, руки черные! Тоже мне! Ты хоть помнишь, когда мылся последний раз? Кому не скажешь, все удивляются, как можно с таким вонючим мужиком в постель ложиться!
- Виктор вышел из себя. Он грохнул кулаком по столу, покраснел и заорал на жену:
- Гараж вообще не трогай! Я тебе сто раз говорил, что это мое! Чем хочу в свободное время, тем и занимаюсь! А ты, сука, орешь на каждом углу такие вещи, которые могут говорить только такие хабалки, как ты! На себя бы посмотрела! Сама-то ты кто? Институт и то не закончила, если бы не Машка, которая протекцию тебе сделала, стояла бы на базаре, жопу морозила!
- Да, на базаре! Там и то бы больше зарабатывала! – закричала Татьяна. – И вообще не смей на меня орать. Уйду я от тебя к чертовой матери, надоело!
- Да иди, кто тебя держит! Нанимайся вон и иди хоть завтра! Хоть видеть тебя не буду, достала уже!
- Продавцом, что ли? – визгливо переспросила Татьяна. – Нашел дуру! Я хочу свою точку иметь, хозяйкой на ней быть!

– Хозяйкой! – передразнил ее Виктор. – Дура ты и есть! Воистину дура!

– Ах так? – Татьяна совсем взбеленилась. – А ты... Ты... ты вообще пожалеешь, если мне откажешь в этих деньгах! Я тебе знаешь что устрою? Я тебя вообще с голой задницей оставлю! Пожалеешь потом!

– Да пошла ты со своими угрозами! – Виктор вскочил из-за стола. – Напилась, так иди пропись!

– Я-то не напилась, я все соображаю! Вот посмотришь, что с тобой будет, если... – Татьяна запальчиво погрозила мужу пальцем.

– Слушай, а вот что с тобой будет, я уже не ручаюсь!

– А что со мной? – ухмыльнувшись, подбоченилась Татьяна.

– Да я тебя просто убью! Все нервы ты мне вымотала, тварь!

– Попробуй только! Я сама завтра же к участковому Перепелкину пойду и про твои угрозы расскажу! Заявление на тебя напишу, понял? Пусть тебя на пятнадцать суток посадят для начала! Я тебе устрою, без штанов оставлю, я тебя...

Договорить Татьяна не успела, потому что Виктор с размаха припечатал ей рот своей широкой ладонью. Татьяна, широко раскрыв глаза, вырвалась и отскочила, отплевываясь.

– Ну, скотина... – прошептала она. – Завтра же к Перепелкину пойду! Ты у меня точно обо всем пожалеешь!

И она прошла в дальнюю комнату, громко хлопнув за собой дверью. Весь вечер она больше не выходила. Оставшись один, Виктор облегченно вздохнул, лег на диван, закинув руки за голову, и задумался...

Наутро они встали молча и не сказали друг другу ни слова до самого выхода из дома. Виктор ушел первым, не став дожидаться, пока жена попросит подвезти ее до работы. Рано возвращаться он сегодня тоже не собирался. Настроение было таким, что скоро должен наступить конец.

Глава 2

Визит мамы явился совершенной неожиданностью, она не слишком часто баловала своим посещением дом Котовых. И Лариса поначалу испугалась, что случилось что-то неприятное. Приятного и в самом деле было мало, но, в общем-то, все оказалось не так страшно. Как рассказала Нина Андреевна, она на днях получила письмо от своей сестры, в котором та сообщала, что очень плохо себя чувствует и просит приехать Нину Андреевну вместе с Ларисой, чтобы попрощаться. Сколько Лариса помнила Екатерину Андреевну, та всю жизнь болела и каждый год собиралась умирать, поэтому последнее сообщение не сильно ее встревожило. В этом она попыталась убедить и свою мать, но та с ней не согласилась.

– У меня единственная сестра! – категорически заявила она. – А если и впрямь что-то серьезное, я себе потом не прощу! Она пишет про то, что у нее плохие анализы, что кардиограмма тоже показала плохой результат и что вообще врачи намекнули, что нужно готовиться к худшему.

– Что, прямо так и намекнули? – недоверчиво переспросила Лариса. – Вообще-то они о таких вещах не говорят.

– Она пишет, что говорят, – стояла на своем Нина Андреевна. – Они Иринке об этом сказали, а она ей.

– Это она зря! – вдруг встрял Котов. – Не сказала бы – старушка и не собиралась бы на тот свет, и людей бы не баламутила.

– Старушка! – обиженно воскликнула Нина Андреевна. – Она младше меня на два года. А мне всего-то шестьдесят семь.

Евгений промямлил что-то нечленораздельное и закурил.

– Если с таких лет всех в старики записывать... – не могла успокоиться Нина Андреевна. – Если бы ей под восемьдесят было, я еще понимаю...

– Да будет, будет и под восемьдесят еще, – махнул рукой Котов. – Разговоры только одни.

– Да что ж это, с родной сестрой не проститься, что ли? – возмутилась мать Ларисы.

– Ну почему? Если хотите, езжайте. А мы-то тут при чем? – продолжал Котов. – Вон и Ларису возьмите, вместе езжайте, а мы уж с Настей останемся. У меня на работе дел полно, и я сразу скажу, если меня будете агитировать, – я не поеду! Я ее и не знал совсем. Что, притворные соболезнования выражать?

Нина Андреевна обиженно поджала губы:

– Ну, не ожидала я такого... Чтобы на родного человека наплевать было!

Лариса бросила на мужа недовольный взгляд. В конце концов, даже если в его словах и есть какое-то рациональное зерно, мог бы быть и потактичнее. Котов поймал взгляд супруги и сказал:

– Да я не об этом! Я к тому, что вы вот расстраиваетесь только попусту, а на самом деле все в порядке будет, вот посмотрите.

– Ну и что ты решила? – прервала мужа Лариса, обращаясь к матери.

– Как что? Надо ехать... Билеты, правда, покупать. Поезд... Я так плохо переношу поезд, вечно там простываю. Отец вон тоже болеет, не хочет ехать... В общем, ничего хорошего, – махнула рукой Нина Андреевна. – А у нее Иринка замуж вышла, – после паузы вдруг переменила тон мать. – Говорит, адвокат какой-то. Молодой, моложе ее. На два года, правда.

– Сейчас это неудивительно, – снова махнул рукой Котов. – Ничего необычного.

– Ну и когда ты отправляешься? – спросила Лариса.

– Так ты что, тоже со мной не поедешь, что ли? – всплеснула руками мать.

Лариса вздохнула. Ехать проводить тетю Катю, с которой она не виделась много лет, да и вообще встречалась раза три в жизни, ей и вправду не хотелось. К тому же и в самом деле все может обойтись: она же постоянно болеет!

– Ну а Татьяна что? – вдруг схватила за соломинку Лариса, вспомнив про свою старшую сестру.

– А она куда ж поедет? – вытаращила глаза мать. – У нее только учебный год начался, работа... Кто ей отпуск даст? Это вы все сами решаете, ходить вам на работу или нет.

– Ну, я не знаю, – вздохнула Лариса. – У меня хоть и не школа, а тоже дел хватает. Новый сезон скоро начнется, все курортники вернутся, наплыв посетителей, потом вон ярмарка, визиты зарубежных предпринимателей, там могут быть выгодные предложения... В общем, у меня все расписано. И так уже работе мало времени уделяю.

– А это потому, что у тебя костер пионерский в одном месте, – неожиданно брякнул Котов. – Вот ты и мечешься от директора ресторана до частной сыщицы.

– В каком это смысле? – удивилась Нина Андреевна, которая была практически не в курсе криминальных расследований дочери.

– Да так, ерунда, – махнула рукой Лариса, не хотевшая объяснять матери, чем она занимается и почему. – Так ты поездом, что ли, поедешь?

– Я уж теперь и не знаю! Я-то на вас рассчитывала! Поехали бы на машине все вместе, на недельку... Вы бы там отдохнули, икры поели...

– А куда ехать-то? – поинтересовался Котов.

– Как куда? В Астрахань. Будто вы не знаете!

Котов пожал плечами, давая понять, что ему в принципе было неинтересно, где живет тещина сестра, которую он в глаза не видел.

– В Астрахань? – переспросил он. – А что там делать? У нее что там, квартира, дача?

– Квартира, конечно, – кивнула Нина Андреевна. – Там они и живут, с Иринкой и с ее мужем.

– Совсем хорошо! – усмехнулся теперь Котов. – И мы туда еще все нагрянем!

– Так она же зовет! И потом, там трехкомнатная. Я могу с ней вместе, а вы – в отдельной комнате, Иринка со своим у себя. Так что все нормально.

Нина Андреевна не оставляла надежды на то, чтобы уговорить дочь и зятя поехать с нею.

– А днем там что, по головам ходить? Тем более больной человек в доме, сами говорите.

– Господи! Говорю же, днем там есть чем заниматься. Вы вот, Евгений, не выслушаете ничего, перебиваете... Там рыбалка у них отличная, и дача своя, как раз яблоки поспели. И нечего дома торчать. Тем более машина у вас своя, сели да поехали куда захотели.

– То есть вы хотите все-таки на машине? – насутился Котов. – А вы знаете, что там дороги хреновые? И ехать туда – как в Москву, целый день тратить!

– Ну что же теперь? Разок-то можно и потерпеть! – не отставала Нина Андреевна.

– Я сказал – не поеду! – уперся Котов и в знак своей решительности прошел через кухню, направившись к лестнице на третий этаж, в свою комнату.

Нина Андреевна неодобрительно посмотрела вслед зятю. Когда Евгений скрылся из виду, она переключилась на Ларису:

– Ну и пускай не едет. Ты у меня машину хорошо водишь. Не хочет, и не надо. Пусть остается. А мы вдвоем поедem, и больно хорошо будет!

– Мама, но я же тебе сказала – у меня тоже дела! – воскликнула Лариса. – Кто за меня будет все это делать?

– Найдутся, – упрямо возразила мать. – Я к тебе пришла раз в пять лет с просьбой, а ты...

Лариса устало закрыла глаза. Она понимала, что сейчас из уст матери посыплется куча упреков, и справедливых и несправедливых. И она задала себе вопрос: «А надо ли это все?»

Ответ на этот вопрос был однозначен – нет! И, досадуя на то, что все это, как всегда, пришлось не ко времени, стараясь оставаться спокойной, спросила:

– Ну, и когда ты хочешь ехать?

Нина Андреевна растерялась, пожала плечами и пробормотала:

– Я не знаю. Когда тебе-то удобно?

Лариса, по-прежнему пытаясь оставаться спокойной, сказала:

– Мне все равно. Как тебе?

– Собраться надо... Туда-сюда. Послезавтра, наверное...

– Послезавтра в девять утра я за тобой заеду, – подвела итог разговору Лариса.

* * *

Так закончился разговор, не очень приятный и для матери, и для дочери. Прошло два дня, и утром Лариса действительно заехала за матерью. С балкона помахал рукой папа – у него разыгрался радикулит, но выглядел он бодро. Казалось, он был рад, что на неделю остается дома один.

Евгений тоже вроде бы остался доволен тем, как разрулилось дело. Он будет предоставлен самому себе, а это для него было делом немаловажным – с тех пор, как Котов бросил пить, он любил проводить время в одиночестве, за компьютером или за телевизором. И еще его раздражал шум.

А дорога действительно была достаточно изнурительной. Лариса измучилась, потому что постоянно приходилось сбавлять скорость, так как качество дорог в этом направлении оставляло желать лучшего. За окном простиралась унылая степь, в редких населенных пунктах у обочины стояли казашки в национальных платках, предлагавшие проезжающим дыни и арбузы.

– Наверняка ворованные! – неприязненно заметила Нина Андреевна, показывая на казашек. – Вот так вот все разворовали, всю страну разнесли, так вот и живем!

На подъезде к Астрахани «Ауди» чуть было не угодила в аварию. Вернее, можно даже сказать, угодила. Какой-то торопливый водитель на «шестерке» решил обогнать машину Ларисы на узкой дороге и в результате посадил ей небольшую вмятину на заднее крыло. Пришлось остановиться и учинять разборку. Из «шестерки» вышел небольшого роста нервный человек, который поначалу вроде бы не выражал никаких агрессивных намерений, напротив, был уверен, что он попался и сейчас из «Ауди» вылезут какие-нибудь недружелюбные дяди с цепями на шее и «отмассируют» его. Но увидев, что он имеет дело с женщиной, едущей в компании с какой-то очень советского вида старушкой, неврастеник осмелел и принялся доказывать Котовой, что она категорически не права, что так никто не ездит, что она должна была освободить полосу...

Лариса осмотрела свою машину. Вмятина – вещь неприятная. Но устраивать разборку с водителем «шестерки», ехать в ГАИ, проходить кучу нудных процедур ей не захотелось. Она попробовала попросить у виновника происшествия денег, на что он просто-таки с местечковой суетливостью закрутился на одном месте, путано и сложно объясняя и рассказывая про свою тяжелую жизнь. Из всего этого словесного нагромождения выходила, однако, простая истина: денег нет и, в общем, черт с ним, он согласен ждать ГАИ.

Тут из машины вылезла Нина Андреевна и принялась обвинять водителя в том, что он пьяница, а когда он посмел ей возразить, то обозвала его «хамом, сволочью и негодяем». Из «шестерки» вылезла жена «хама», крикливая базарная бабенка, и поднялся такой гвалт, что Лариса поспешила, стиснув зубы, сообщить водителю «шестерки», что она не имеет к нему претензий и чтобы он немедленно убирался. Ко всему прочему, машина была застрахована.

Это маленькое происшествие еще раз дало повод Ларисе невзлюбить эту поездку, в которую она отправилась не по своей воле. Нина Андреевна всю дорогу костерила попавшегося водителя, а также всех водителей-мужчин вообще. Лариса не реагировала, утомленная дорогой, и разборками, и общением с мамой.

Наконец, когда они въехали в Астрахань, она облегченно вздохнула: вскоре можно было, как она надеялась, отдохнуть и расслабиться. Правда, пришлось еще добираться до дома Екатерины Андреевны, стандартной, ничем не примечательной пятиэтажки, коих и в Тарасове было полным-полно.

Екатерина Андреевна встретила прибывших со скорбным выражением лица, каким-то обреченным покачиванием головой, словно Лариса с матерью прибыли уже на ее похороны.

– Ну вот, родные мои приехали, – с оттенком причитания воскликнула она.

Потом все же вздохнула, встрепенулась и полезла к сестре и племяннице обниматься. Когда же приветственный порыв схлынул, тетка отстранилась и запричитала:

– Ой, Нина... А я так болею, так болею! Если бы ты только знала, как я болею! И за что такую кару господь посылает?! И врачи ничего не могут, ничего не могут! Деньги только тянут! Уж сколько я им переплатила, а толку все равно нет! Чтобы у них руки поотсохли!

Нина Андреевна, поджав губы, скорбно кивала.

– Ну а в больницу? Там все-таки профессора, наверное, должны быть... Тебя посмотрят... – предложила она.

– Смотрели уж! – махнула рукой Екатерина Андреевна. – Я сама себе диагноз поставила... – Тетка снова запричитала: – Ой, а умирать все равно не хочется, Нина, как не хочется! Вот хоть режь меня – не хочется умирать!

В одной из дверей показались лица молодых людей, Ирины и Романа, дочери и зятя тети Кати. Тетка, метнув взгляд в их сторону, переключила вдруг внимание на Ларису. Она уже забыла про то, что не хочет умирать, и всплеснула руками:

– Ой, а Ларочка-то как хорошо одевается! Пря-амо... ой! Вот познакомься, ты же не видела никогда Иринку, а это Рома, зятек мой, адвокат! – с гордостью добавила она. – Только что недавно аспирантуру закончил, вот...

Роман и Ирина со сдержанными, но вежливыми улыбками поздоровались. Нина Андреевна умильно засияла, поглядывая на племянницу и ее избранника.

– Ой, время-то как летит! – со вздохом покачала она головой. – Я ведь Иринку последний раз совсем девочкой видела, а сейчас такая красавица стала!

– Вы, наверное, отдохнуть хотите с дороги? – приветливо спросила Ирина, и Екатерина Андреевна тут же засуетилась:

– Конечно, конечно! С дороги, устали, бедные! Сейчас пообедаем, и я вас в комнаты проведу, все покажу, расскажу... А уж вечером наговоримся вдоволь.

После обеда Екатерина Андреевна снова принялась рассказывать про свои болячки, а Роман с Ириной повели Ларису в гостевую комнату, сказали, что она в полном ее распоряжении, после чего оставили ее одну. Она с удовольствием опустилась на диван и закрыла глаза, ни о чем не думая. Сестры по-прежнему сидели на кухне и разговаривали. Говорила больше Екатерина Андреевна, до Ларисы даже долетали отдельные фразы. Постепенно, убаюканная ими, она задремала.

– А этот все валяется на диване, – прозвучал голос Екатерины Андреевны, и Роман понял, что это относится к нему.

Роман недовольно поморщился. Он в этот момент действительно лежал на своем любимом диване в их с Ириной комнате и размышлял. Дела его, если честно признаться, были не очень хороши. Аспирантуру он закончил весьма успешно, с чистой совестью мог называться адвокатом, но... не ощущал себя профессионалом в полном смысле слова. А все потому, что

еще не имел в своей практике ни одного успешного дела. И неуспешного тоже. Не довелось ему еще защитить ни одного клиента, потому что их не было, этих клиентов.

Да еще теща постоянно лезла со своими дурацкими советами! «Тебе нужно имя заработать, рекламу себе сделать, тогда к тебе народ валом валить будет!» – частенько говорила она, что выводило Романа из себя. Как его заработаешь, имя, если нет клиентов? На чем делать рекламу? Замкнутый круг получается! Для рекламы нужны клиенты, для клиентов нужна реклама.

Вообще с тещей, как полагал Роман, ему жилось трудно – практически ни дня не обходилось без скандалов. Екатерина Андреевна плюс к своим многочисленным хворям и постоянному нытью обладала на редкость въедливым и язвительным характером и имела неискоренимую привычку совать свой нос во все дела, подчас совершенно ее не касающиеся.

И Роман с Ириной часто были недовольны этим, но терпели, поскольку деваться было некуда – до того, чтобы снимать квартиру и уехать от матери, еще, что называется, не доросла «критическая масса» негатива от совместной жизни. Не доросли и доходы. Но последний предел, как чувствовал Роман, приближался. И тут Екатерина Андреевна захворала...

Мало того, что у нее вдруг обострились старые болячки разом, к ним добавилась новая, и весьма серьезная: начались сильные боли в области печени, от которых Екатерина Андреевна прямо криком кричала, и пришлось ее поместить в больницу. Врачи поставили диагноз – камни в печени – и предложили оперативное лечение. Екатерину Андреевну никоим образом не устроили ни диагноз, ни рекомендуемый метод лечения. Она вбила себе в голову, что у нее рак печени, что печень ей врачи вообще хотят удалить, чтобы метастазы не пошли дальше, а еще до крайности боялась, что операции не перенесет.

– Мама, ну как же можно удалить печень? – восклицала Ирина, слушая, как заливаются слезами мать. – Человек же не сможет без нее жить, он просто умрет!

– Вот они и хотят, чтобы я умерла, – стояла на своем Екатерина Андреевна, имея в виду врачей. – Умные какие! Они потом спишут на больное сердце, а меня уже не будет.

Ирина и Роман только вздыхали, но переубедить старушку было невозможно. Промучившись в больнице около месяца, изведя мнимыми подозрениями и себя и врачей, Екатерина Андреевна запросилась домой. А когда ее выписали, заявила, что очень скоро умрет. Практически каждый день она говорила об этом: то со скорбным видом, то с каким-то мазохистским удовольствием, расписывая, как молодым будет хорошо без нее.

– Вдвоем будете жить, сами себе хозяева... Красота! – говорила она, качая головой. – А обо мне не беспокойтесь, я уж свое пожила! Похороните меня с отцом рядом... Могилку только навещайте хоть раз в год...

Таких разговоров чаще всего не выдерживала Ирина, она вскакивала и с плачем убегала к себе в комнату. Екатерина Андреевна, беспокойно поводя глазами, обращалась за поддержкой к зятю:

– И чего плачет, глупая? Все равно когда-то умирать нужно...

В другой раз настроение ее было иным, и она принималась с плачем и стоном причитать, как же Ирина с Романом останутся без нее да как же она сама умрет, когда еще столько всего хотелось сделать да повидать, и вон мать их с Ниной восемьдесят с лишним лет прожила, а она и до семидесяти не дотянет.

Тут уже не выдерживал Роман и напускался на тещу:

– Екатерина Андреевна, вы что, нарочно нас изводите? Зачем издеваетесь над Ириной, на ней уже лица нет от ваших пророчеств!

– Батюшки! Да кого это я извожу? – всплескивала руками Екатерина Андреевна. – Говорю просто, делюсь с вами...

– Нечем тут делиться! Вы сами себе вбиваете в голову всякую чушь, а мы потом из строя выходим!

– Господи! – Екатерина Андреевна в таких случаях обиженно поджимала губы. – Прямо слова не дадут сказать матери напоследок! Погодите, вот помру скоро, недолго осталось, тогда и отдохнете!

И она с мокрыми глазами скрывалась в своей комнате, запиралась на ключ. Долго она, правда, не выдерживала, вылезала к молодым, и все разговоры насчет скорой смерти возобновлялись.

Так они жили уже с полгода, и вот Екатерина Андреевна, видимо, начала страдать от недостатка публики и послала слезное письмо своей сестре, о чем гордо сообщила вечером Ирине и Роману.

– Ну и зачем срывать с места тетю Нину? – спросила Ирина. – Да еще вместе с Ларисой? Та, я слышала, занята по горло. Да она и не поедет, вот увидишь!

– Как это не поедет? – не поверила Екатерина Андреевна. – Я их всех пригласила – и Нину, и Витю, и Ларочку с дочкой и с мужем... А чего? И так ни разу у нас не были, с тех пор как мы в Астрахань переехали.

– Не знаю, – пожал плечами Роман. – Не думаю, что это удачная затея. К тому же я согласен с Ириной – вряд ли они приедут всем скопом.

– А чего? Отдохнут, на Волгу съедят...

– У них и самих Волга, а у нас все-таки не курорт, – ответил Роман, чем окончательно обидел Екатерину Андреевну, которая удалилась в свою комнату.

– Ну что ж, – после паузы сказала Ирина. – Если они и приедут, в этом не будет ничего плохого. Я только боюсь, что они из-за своих дел не смогут вырваться, а мама потом будет еще полгода сокрушаться.

– Вот и я о том же, – допивая чай, вздохнул Роман и обнял жену. – Ладно, пойдем к себе.

* * *

Но они все-таки приехали, правда, не в том составе, на который рассчитывала Екатерина Андреевна. Но главное, что приехали Лариса с матерью, остальные были для старушки не так уж и важны. На Ларочкину дочь, конечно, хотелось бы посмотреть, но раз уж нет, так нет... Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. А вот не заболела бы – еще бы лет десять не выбрались!

Екатерина Андреевна, переполненная впечатлениями от встречи, сидела на кухне с сестрой и рассказывала ей о подробностях своих заболеваний, домашних заботах и отношениях между дочерью и зятем. Нина Андреевна в свою очередь говорила о себе и своих детях. Порой женщины начинали говорить одновременно и, казалось, совершенно не слышали при этом друг друга. Роман с Ириной, обрадованные, что Екатерине Андреевне есть на ком оттачивать свое красноречие, уединились в своей комнате. Примерно через час Роман, услышав из-за стены замечания тещи в свой адрес, недовольно поморщился и встал, решив отправиться на балкон покурить. Когда он вышел из комнаты, то увидел стоявшую в коридоре Ларису. Она уже отдохнула и вышла из комнаты для гостей.

– О, вы собрались покурить? – заметив в руках Романа сигарету, сказала она. – А я как раз собиралась сделать то же, только не знала, где можно. Вы позволите составить вам компанию?

– Да, разумеется, – с готовностью кивнул Роман, провожая Ларису в третью, самую большую комнату, где и располагался балкон.

Курить теща разрешала только там или в крайнем случае на кухне. Но балкон находился в ее комнате, и Роман старался туда не заходить, чтобы лишний раз не встречаться с тещей, и чаще курил на кухне. Но сейчас она была занята, поэтому в качестве курилки был выбран балкон.

– Ну как вам у нас? – поднося Ларисе зажигалку, задал Роман дежурный вопрос.

– Нормально, – так же дежурно ответила Лариса и добавила: – Вид с балкона красивый. Волгу видно.

– Да, – оживился Роман. – Это действительно преимущество данного дома.

– Давно здесь живете? – спросила Лариса.

– Да уже почти год.

– И как? Уживаетесь с тещей?

– Да по-разному... – вздохнул Роман. – Всякое бывает.

– Я вот что хотела спросить. Она действительно так серьезно больна, как написала?

– Да как вам сказать... – замялся сначала Роман, но тут же стал рассказывать.

Он поведал Ларисе о том, как заварилась кутерьма с заболеванием тещи, рассказал, как она лежала в больнице, как выписалась и собралась умирать, как вела себя с ними и как хотела увидеть родственников.

Незаметно он сбился на личные проблемы и стал говорить уже о том, сколько хлопот доставляет совместная жизнь с представителями старшего поколения. А Екатерина Андреевна современной старушкой не была никак. Она любила, чтобы все было «как положено», чтобы соблюдались семейные традиции и все в том же духе. При этом она постоянно давала советы дочери и зятю, как им следует жить, как себя вести и чем заниматься.

Страдая еще и болезненным любопытством, она любила, чтобы за ужином молодые рассказывали ей обо всем, что между ними происходит, а уж если, не дай бог, ей доводилось заметить какой-то намек на ссору, можно было не сомневаться – разборки и выяснений относительно того, кто это затеял и почему, с лихвой хватало на весь вечер. Ирина, правда, днем была на работе, и тогда теща цеплялась к Роману, выведывая, какие планы у них с Ириной на будущее и почему они до сих пор не думают о детях.

– В общем, живем мы весело, – подытожил свой рассказ Роман.

Лариса понимающе вздохнула. Хотя что ей – о совместной жизни с родителями она и думать забыла. Уже более десяти лет она жила вместе с мужем в собственной квартире, и проблемы Романа с Ириной были ей теперь не очень близки. Но, пообщавшись с мамой вплотную последние два дня, она поняла Романа. Уж если за два дня старшее поколение может достать, нетрудно представить, каково жить с ним постоянно.

Когда Лариса и Роман вернулись с балкона, кухня уже опустела, а Екатерина Андреевна вместе с сестрой переместились в комнату хозяйки квартиры и смотрели сериал. За окном было тихо и солнечно, как и положено в сентябре. И ничего не предвещало каких-либо экстраординарных ситуаций.

Ларисе, кстати, понравилось гостить у тети, за исключением, конечно, связанных с нею самой некоторых неудобств и сварливости присутствовавшей рядом мамы. Тут было тихо, не отвлекали звонки, не было слышно скрипучего голоса администратора Степаныча над ухом, мужа Евгения с его время от времени возникавшими заскоками и вздорностью. Словом, имел место некий психологический антракт. Хотя бы в виде смены обстановки и иллюзии удаленности от рутинного существования в четырех знакомых стенах и осточертевшего окружающего социума.

Тишину нарушил звонок в дверь. Естественно, Лариса осталась сидеть в кресле – не она же здесь хозяйка. Роман с Ириной тоже не проявили инициативы. В ответ на немой взгляд Ларисы двоюродная сестра махнула рукой:

– Это, наверное, к маме одна из соседок пришла. Каждый день ходят – то за тем, то за другим! А придут – метлой не выгонишь, как заведутся трещать обо всем на свете, хорошо, если через час уgomонятся.

– Ага, когда все темы переберут, – поддержал жену Роман. – Чего только не наслушаешься. А одна так вообще такую ерунду гонит, что аж противно, – якобы Алсу выходит замуж за Иосифа Кобзона, а она сама есть внебрачная дочь Хулио Иглесиаса.

– Чего-чего? – оторопело вытаращила глаза Лариса.

– Вот так у нас здесь развлекаются, – спокойно ответила Ирина. – Сериалов насмотрятся, и фантазии так и прут.

Последующие события подтвердили догадки Ирины с Романом. Вместо голосов различных Фернандо, Альберто и Мауриньо в соседней комнате засолировал женский альт, явно не походивший по манере разговора на переводчика бразильских сериалов.

Женщина экспансивно что-то вещала, и ее монолог прервался только два раза изумленными ахами Нины и Екатерины Андреевны.

– Батюшки мои, да что ж это такое?

– И что дальше?

– Ну а дальше что... Дальше...

И женский голос продолжал монолог. Лариса не прислушивалась. Она тихо сидела в кресле и предавалась мечтам о том, как они завтра с Романом и Ириной поедут на дачу, как будут кататься на катере, не слушая причитаний матери и тетки. Но тут дверь распахнулась, и на пороге возникла Екатерина Андреевна.

– Рома, Рома! – закричала она. – Послушай, чего у нас происходит-то! Прямо с ума сойти можно! Татьяна исчезла!

– Какая Татьяна? – машинально спросил Роман, хотя ему это совершенно не было интересно.

– Да как какая? – всплеснула руками теща. – Соседка наша, из второго подъезда! Второй день уж дома нет! Все на ушах стоят! Ты, Рома, скорей беги да разберись! Я так думаю, что это как раз по твоей части!

– Стоп, стоп! – охладил пыл тещи Роман. – Куда бежать? Зачем? Почему по моей части?

– А как же! Ты же на адвоката учился! – с непробиваемой логикой объяснила та.

– А при чем тут адвокаты? Кого нужно защищать?

– Да не защищать! А Татьяну искать! Может, с ней случилось чего?

– Это милиция пускай ищет, – вяло отмахнулся Роман. – Я-то здесь при чем? Пускай вызывают милицию... хотя еще рано. Насколько я знаю, по прошествии трех дней, если пропавшая не появится, родственники должны заявить об исчезновении человека. Все.

– Да что сейчас может милиция-то? – презрительно махнула рукой Екатерина Андреевна. – Ты с этим делом лучше справишься, и не сомневайся!

– Не сомневаюсь, – усмехнулся Роман. – Я сомневаюсь, что мне кто-нибудь за это заплатит. Меня же никто не нанимал. И кого защищать-то, неизвестно.

– Ну как кого... – растерянно огляделась Екатерина Андреевна. – Не знаю кого, это тебе лучше знать! – отмахнулась она. – А вот упустишь это дело, потом будешь локотки кусать! А другой уж без тебя разберется.

– Вот и пускай разбирается, – отрезал Роман.

Екатерина Андреевна, крайне недовольная поведением зятя, с треском захлопнула дверь. Роман повернулся к жене с Ларисой, разведя руками:

– Что вы можете сказать, а? Какая-то женщина пропала, и это, оказывается, по моей части!

– Это скорее по моей, – усмехнулась Лариса. – Только я этим заниматься не буду.

– Как это – по твоей? – удивилась Ирина.

– Ну, так... – улыбнулась Лариса и кратко поведала двоюродной сестре о своих приключениях на поприще частного сыска в родном городе.

Ее рассказ привел Ирину с Романом в восторг.

– И неужели всегда без сучка без задоринки? – подивился Роман.

– Ну почему же? И у бандитов в заложницах была, и машину взорвали один раз, и по голове получала...

– И не страшно тебе? – поежилась Ирина. – Так ведь и убить могут!

– Бывает и страшно, но все равно интересно. Порой думаешь – все, хватит, больше нигде! А потом снова захватывает, – призналась Лариса. – Скучно все-таки. Ресторан, муж... Одно и то же.

– Скучно! – воскликнула Ирина. – Да я бы из-за границы не вылезала, будь у меня такое положение! Весь мир объехать можно!

– Ну, денег у меня не так и много, как тебе может показаться, – возразила Лариса. – И потом, иногда на частном сыске зарабатываешь, и неплохо. Больше, чем доход от ресторана. Так что тут ты не совсем права.

Ирину эти доводы не убедили, и она продолжила активно возражать Ларисе. Галдеж за дверью тем не менее не утихал, видимо, соседка рассказывала новые подробности и вносила предложения по розыску. Правда, немного спустя все несколько стихло, а через некоторое время все услышали незнакомый громкий голос:

– Алло! Это милиция? У нас тут человек пропал! Да-да, пропал! Второй день дома нет! Я кто? Соседка!.. Почему соседка? Потому что больше не надо никому... А вы не об этом спрашивайте, вы лучше адрес записывайте!

Роман подскочил на стуле и кинулся к двери. Лариса с Ириной поспешили за ним. В коридоре возле телефонного аппарата стояла солидных габаритов тетка в стеганом халате и накинутой поверх него телогрейке и предъявляла в трубку свои претензии, а Екатерина и Нина Андреевны притулились рядом, но лица у обеих были такими, словно они исполняют свой священный долг.

– Я все равно этого так не оставлю! – категорически заявила тетка в телогрейке. – Сама к вам приеду, прямо к начальству вашему! Так что лучше будет, если вы сами сюда явитесь!

И она гордо грохнула трубку на рычаг.

– Вот так! – довольно повернувшись к собравшимся, заявила она. – Приедут как миленькие, никуда не денутся!

– Вы что?! – напустился сразу на всех трех теток Роман. – С ума сошли? Вы что делаете? Зачем вам это нужно?

– Это вам, молодым, ничего не нужно! – заявила соседка. – Пропал человек, а вам и дела нету!

– Да куда пропал-то? Откуда вы знаете? Может быть, она просто уехала по своим делам!

– Никуда она не уехала! У нее и дел-то нет никаких! – победно заявила тетка. – А Витька, между прочим, сам говорил, что она ушла и теперь не вернется! Вот так!

– Ну вот видите! А вы говорите, пропала...

– Да, пропала! – перебила Романа соседка. – Потому что некуда ей идти, а Витька-то... – Она понизила голос. – Я сама слышала, что он ее убить грозился! И как раз за день до этого!

– До чего до этого? – устало спросил Роман.

– До того, как она пропала!

– Но вы понимаете, что это просто глупо – вызывать милицию в такой ситуации? Они же даже не приедут, вот посмотрите!

– Приедут! – убежденно стояла на своем соседка. – Пусть только попробуют не приехать! Если что, я еще позвоню! Подключу Антонину Степановну из сорок пятой квартиры, они ее все боятся!

– Послушайте, а зачем вам это надо? – неприязненно спросил Роман.

– Как зачем? – всплеснула руками соседка. – Ты прямо как глупый человек рассуждаешь! А если бы тебя убили?

– Да уж, – усмехнулся Батурин. – Тогда бы мне уж точно ничего не надо было.

– Это тебе не надо, а людям все надо, – назидательно произнесла Екатерина Андреевна.

– Вот вас милиция возьмет и самих упечет, – с каким-то злорадством усмехнулся Роман. – За ложные показания.

– Не упечет! – упрямо возразила деятельная соседка. – Антонину Степановну-то не упекли! А она их восемь раз вызывала!

Роман только вздохнул. Лариса, которая все это время стояла задумавшись, взяла его за рукав и отвела в сторону.

– Слушайте, а это может оказаться вам на руку. Вызов милиции, я имею в виду. Вдруг этот муж захочет воспользоваться услугами адвоката?

– Да бросьте вы! – отмахнулся Роман. – Ничего там нет. И быть не может. Обычные семейные дела. Разрулятся наверняка, не сегодня, так завтра. И что, идти к нему и самому предлагать, дураком выглядеть?

Аргументы Романа в принципе представлялись разумными. Действительно, может быть, ничего криминального в исчезновении женщины и нет и ее мужу совсем не нужны услуги адвоката. Ну а если все по-другому...

– Роман, – сказала она. – Если там просто семейные дела, ничто не помешает вам просто извиниться и уйти. И совсем вы не будете при этом, поверьте, выглядеть дураком. Весь дом же кричит про криминал, вот вы и пришли разобраться. Сходите действительно, а то так можно очень долго ждать начала адвокатской практики.

Похоже, Ларисе удалось убедить своего нового родственника. Роман еще немного потоптался на месте, но неожиданно повернулся к Ларисе:

– А может быть, вы пойдете со мной?

– Я? – удивилась Лариса. – А я-то с какой стати?

– Ну, вы... Все-таки у вас опыт. И потом, мне кажется, что, увидев вас, ее муж охотнее пойдет на контакт. Просто поприсутствуете в качестве привлекательной женщины, – с улыбкой закончил Батурин.

Лариса тоже улыбнулась, пожала плечами.

* * *

Сентябрь уже активно вступал в свои права, даже слишком активно для первого осеннего месяца, и Лариса замерзла в одной блузке, даже идя до соседнего подъезда. Роман тоже поеживался, поскольку сгоряча выскочил на улицу, не накинув куртки.

Они специально поднялись пешком, выискивая квартиру под номером сорок один. Оказалось, она на третьем этаже и оборудована железной дверью. Это уже некий показатель, и Лариса сделала вывод, что доход семьи Прошаковых был достаточно высоким.

Поколебавшись еще некоторое время и переглянувшись с Романом, Лариса позвонила. На звонок открыл довольно симпатичный мужчина лет тридцати трех, в домашней толстовке и спортивных брюках. У него были темно-каштановые, коротко стриженные волосы и серые глаза. Роман вспомнил, что не раз сталкивался с ним во дворе, но никогда не здоровался – они не были знакомы. Теперь, естественно, ему пришлось это сделать.

– Добрый день, – поприветствовал мужчину Роман. – Вас, кажется, Виктором зовут?

– Ну, Виктором, – подтвердил мужчина. – А у вас, наверное, машина сломалась?

Тут Роман вспомнил, что Виктор занимается каким-то автобизнесом – у него было несколько точек, торгующих запчастями, кроме того, станция техобслуживания, а его собственный гараж во дворе частенько бывает открыт, и Виктора можно застать там колдующим над сломанным карбюратором, принадлежащим кому-нибудь из соседей, – все знали, что Витя отличный механик. Он не отказывал никому – даже несмотря на то что был директором фирмы. Он считал, во-первых, что дополнительный заработок никогда не помешает, а во-вторых, ему это просто нравилось – копать в железах.

Роману, однако, ни разу не доводилось обращаться к нему по поводу машины, хотя он слышал, что у парня золотые руки.

– Да нет, мы к вам по другому вопросу. Насчет вашей жены, – начала Лариса.

– А что насчет жены? – насторожился Виктор.

– Но ведь она, кажется, пропала?

– Ну, пропала и пропала, это ее проблемы, – уже невозмутимо ответил Виктор.

– И вы так спокойно на это реагируете? – удивилась Лариса.

– А что мне еще делать?

– Вы в милицию обращаться собираетесь? – сухо спросил Роман.

– Нет. Она сама ушла, чего ее искать?

– То есть она вас предупредила, что уйдет? – уточнила Лариса.

– Да как она могла предупредить, если мы разругались? Она даже разговаривать со мной не захотела, дура! Вот ведь характер тяжелый! – раздраженно проговорил Виктор. Потом, смутившись, сказал: – Знаете что, лучше пройдите, что ли, в комнату! А то мы тут, на лестнице, о таких вещах толкуем... Я же понимаю, что вы неспроста ко мне пришли. Весь дом, поди, уши прожужжал: «Жена пропала, а он и ухом не ведет!» Они же не знают, что на самом-то деле случилось!

– А что случилось на самом деле? – спросила Лариса.

– Проходите, – вместо ответа сказал Виктор и провел Романа с Ларисой в комнату.

Она была обставлена добротной, удобной мебелью, но без показной роскоши. Роман с Ларисой сели в предложенные кресла, сам Виктор прилег на диван и закурил.

– Курите, если хотите, – сказал он обоим. – Вас, кажется, зовут Романом?

– Да, – кивнул Батулин, доставая сигареты.

– А вас? – Прошаков посмотрел на Котову.

– Лариса. – Она тоже не стала называть своего отчества, хотя и была старшей среди собравшихся.

Щелкнув зажигалкой и закулив, она спросила:

– Ну так что произошло у вас с женой в тот день? И, кстати, какое это было число?

Прошаков, конечно, мог и не отвечать. Он вообще мог не разговаривать ни с Ларисой, ни с Романом, но он не стал отнекиваться и даже пояснил:

– Мне скрывать нечего, поэтому хочу вам все объяснить, чтобы потом ко мне вопросов не возникало. А вы уж, если сможете, убедите беспокойный дом, что все в порядке, договорились?.. Случилось все восемнадцатого сентября. То есть позавчера. Что произошло?.. Да обычная история: из-за денег разругались. Слово за слово – и пошло-поехало. Да мне эти сцены давно знакомы. Только на этот раз она уж что-то слишком громко орала.

– Что значит – из-за денег? – уточнил Роман.

– Да Танька постоянно ворчала, будто я мало денег ей даю. Хотя одета она лучше всех у себя на работе, даже шубу норковую ей купил.

– А где она работает?

– В фирме одной, «Ваша книга» называется. Они там справочники всякие составляют, медицинские в основном. Получает, нужно сказать, мало и постоянно ноет по этому поводу. Так я же ее не упрекаю, что она, в сущности, на моей шее сидит! Все ей покупаю, что ни попросит, но в последнее время у нее уж слишком аппетит разыгрался. У меня отродясь таких денег не было, какие она затребовала.

– А на что ей нужны были деньги? – спросила Лариса.

– Дело свое открывать задумала! – фыркнул Виктор. – Тоже мне бизнес-вумен! Я понимаю, конечно, что ей скучно в этой «Вашей книге», вот и сходит с ума. Но дать ей денег – все равно что просто выбросить их на ветер! Тем более что у меня их и нет, – оговорился он. – Слушайте, а давайте выпьем, что ли? Чего так-то сидеть?

Он прошел к бару и достал оттуда бутылку коньяка с рюмками. Пока что никаких вопросов относительно того, какого, собственно, черта к нему явились, по сути, незнакомые люди, от Виктора не поступало. И Лариса решила продолжить ненавязчивое общение, посвященное в основном выяснению общих сведений о новом знакомом.

– А вы чем занимаетесь? – спросила она. – Где работаете?

– На станции техобслуживания, – охотно ответил Виктор, заедая коньяк лимоном. – С другом одним вместе четыре года назад организовали, дело пошло. Мастеров наняли, сейчас сами под машинами не лежим, следим только, чтобы все в порядке было. Друг, правда, сейчас отделился, магазин открыл. А я продолжаю...

– А вот Роман говорил, что вы и машины сами чините, – кивнула Лариса на Батурина.

– Чиню, если попросят, – согласился Прошаков. – Но это помимо работы, здесь уже, у себя в гараже. Дополнительный заработок, да и нравится мне, если честно. Не хочется навыки терять.

– А как вы жили с женой? В смысле, каковы были ваши отношения к данному моменту? – продолжала Лариса.

Прошаков развел руками и со вздохом ответил:

– Да, можно сказать, никакие. Вернее, партнерские. Я ее содержу – она мне поест готовит, стирает, убирает. Вот и все.

– То есть никаких чувств между вами не осталось?

– Какие чувства? – изумился Виктор. – Да я же видел, что ей от меня только деньги нужны... Хотя когда-то любила... – Взгляд его потускнел и наполнился грустью. – А теперь совсем мегерой стала. Стервой просто. Вы извините, – спохватился он, – сейчас подумаете, что я на нее наговариваю, да еще в такой момент... Но она сама затеяла этот скандал, я же видел, что она прямо из кожи вон лезет, чтобы поругаться! Давайте еще разок...

Он снова разлил коньяк и, не дожидаясь остальных, выпил.

– Нет, но вообще она, конечно, стерва, – уже по своей инициативе продолжал рассказывать Виктор – видимо, сработал упомянутый Романом мотив, и Виктор реагировал на привлекательную женщину, обращаясь к ней за поддержкой и сочувствием. – Вот смотрите – она сама постоянно хочет со мной ругаться. Я не хочу, а она из кожи вон лезет! Вот и позавчера разоралась, что не будет со мной жить, если я не дам денег. Это она меня так шантажировала! Я и сказал: ну и катись к чертовой матери! Уж пожрать приготовить или рубашку постирать я и сам смогу! Или найду кого другого, получше тебя. Помоложе, во всяком случае. Она, конечно, не ожидала такого. Спать легла в другой комнате, а утром на работу ушла, как обычно, а вечером не вернулась. Ну, думаю, добила своего – ждет теперь небось, что я сам прибегу к ней мириться и еще прощения просить!

– А вы не побежите? – усмехнулась Лариса.

– Нет, конечно, – так, словно это было само собой разумеющимся, сказал Виктор. – Да я и не знаю – куда.

– А где она может быть?

– Да у кого-нибудь из подруг наверняка! Родителей-то у нее нет, умерли.

– А на работу вы ей звонили?

– Нет. А зачем? Я человек гордый, первый мириться не пойду, особенно если вины за собой не чувствую. А я ни в чем не виноват!

Виктор вдруг подозрительно посмотрел на визитеров и понял, что забыл задать самые главные вопросы: зачем, собственно, эти двое пришли и что им надо?

– Подождите, так вам Татьяна, что ли, нужна? – спросил он хмуро.

Роман вздохнул и сообщил, что он вообще-то адвокат, и кивнул на Ларису, сказав, что она – его родственница из Тарасова, частный детектив, и если появятся какие-то проблемы, то можно обращаться.

Виктор снисходительно усмехнулся.

– Ну зачем? – развел он руками. – Ничего пока такого не произошло. Я просто думал, машина у вас сломалась или еще чего. А может, думаю, по-соседски зашли, а заодно полюбопытствовать, что у нас с женой произошло. Ведь вроде живем рядом, а не общаемся. А насчет Татьяны... – Прошаков выдержал паузу, а потом махнул рукой. – Да все равно мне, если честно. Вернется – не вернется, все равно, – повторил он. – Потом он еще раз усмехнулся и покачал головой. – Вот бабки, а! Вот тетки неугомонные! Это они, что ли, вас настропалили? Дуры, блин... Делать не фига, они за другими подсматривают во все щели, собаки чертовы! А с Танькой ничего не случилось. Так что зря вы свои вопросы задаете – ни адвокат, ни частный детектив мне пока не нужен. И надеюсь, что вообще не понадобятся.

– Понятно, – протянул Роман, стараясь, чтобы в голосе его не было слышно разочарования.

– Вот ведь... – осекся Виктор на полуслове, и Роман с Ларисой поняли, что он хотел наградить очередным лестным эпитетом соседок, которые во все суют свой нос. – Ну, в общем, так – я никого нанимать не буду. Знаю, что ты адвокат, но я в его услугах не нуждаюсь. Если с машиной что у вас – милости прошу. А Танька – она вернется со дня на день, поняв, что я сам не приду. Куда ей от меня деваться? Жить-то негде, да и зарплаты ее ни на что не хватит. Хотя, по мне, лучше бы не возвращалась! Спокойно зажил бы.

– А почему в таком случае вы не разведетесь? – спросила Лариса. – Раз вам так тяжело жить вместе? Зачем вам эти постоянные скандалы?

– Да я давно хотел, – вздохнул он. – Только... Мне ее, знаете, все же жалко, хоть она и стерва. Ну как она будет жить на такую зарплату? А, ладно! – Он махнул рукой. – Время покажет, что будет дальше.

И Виктор снова закурил, после чего шелкнул пультом, включая телевизор и давая понять Роману с Ларисой, что разговор окончен, поскольку лимит гостеприимства явно исчерпан.

* * *

Участковый дядя Гриша Перепелкин с утра мучился от абстинентного синдрома. Проще говоря, болел с похмелья. И обходить свой участок, следя за тем, чтобы на нем все было в порядке, ему совершенно не хотелось, потому что сам дядя Гриша ощущал себя совсем не в порядке. С утра лежал на диване, а на голове его красовался большой капустный лист, положенный заботливой рукой его жены.

– Гриш, – сунулась в комнату сама Варвара Семеновна. – Может, рассольчику?

– Ох, да сколько ж можно его хлебать, рассольчик этот?! – простонал дядя Гриша. – Видишь же – не помогает!

– Ну давай я тебе бульончику куриного налью – может, полегчает?

– Не надо, – отказался муж.

Жена подсела рядом и стала гладить его по больной голове прямо через капустный лист. Дядя Гриша поморщился, но ничего не сказал.

– Гриш, ну давай я тебя поцелую, – предложила жалостливая жена.

– Ну поцелуй, – обреченно согласился дядя Гриша, а про себя подумал: «Может, вырвет!»

Это он вспомнил анекдот, услышанный вчера на вечеринке, посвященной дню рождения лейтенанта Сучкова, над которым долго хохотал. После этого он вспомнил, сколько на этом дне рождения было выпито, как он танцевал краковяк на пару с Сучковым, а также вспомнил, что дальше он ничего не помнит.

Стойко выдержав смачный поцелуй супруги, дядя Гриша почувствовал, как боль просто запульсировала в его бедной голове, растекаясь по всему телу...

– О-о-о! – застонал он, раскачиваясь из стороны в сторону.

Жена испуганно отпрыгнула в сторону.

– Гриш, ну давай я... – робко начала она.

– Да пошла ты! – неожиданно заорал дядя Гриша. – Не видишь, без тебя тошно!

Выражение лица Варвары Семеновны моментально сменилось на ненавидящее. От бывшего сочувствия не осталось и следа.

– Ах ты, алкоголик чертов! – прошипела она. – Нечего было нажираться вчера как свинья, сегодня бы и не болело ничего! Еще и оскорбляет, алкаш! Сегодня же напишу жалобу тебе на работу, что ты службу прогуливаешь!

С этими словами она круто развернулась и вышла из комнаты, громко хлопнув дверью, и демонстративно начала греметь в кухне посудой, да погромче. Каждый удар отзывался в висках участкового Перепелкина тяжелой болью, словно по голове его колотили кувалдой.

– Тьфу! – послал вдогонку жене дядя Гриша увесистый плевок и перевернулся на другой бок.

Облегчения это не принесло, и он, кряхтя и охая, стал подниматься с постели, ворча:

– Эх и дура! Ну и дура! Угораздило же жениться на такой дуре!

Он хотел уже было пройти на кухню и попить водички, как на пути его настиг телефонный звонок. Дядя Гриша сдернул трубку.

– Да! – рявкнул он.

– Перепелкин? Привет, привет... Слушай, что у тебя за дела на участке творятся? – услышал он голос майора Абакумова из районного УВД.

– А что такое? – удивился дядя Гриша, перебирая в голове неприятные инциденты, произошедшие в последнее время в его ведомстве.

– Говорят, женщина пропала, а муж ее спокойный ходит... Версии даже есть, что он ее... того. Грохнул, в смысле. К нам уже сигнал поступил, а ты что же сидишь, Перепелкин?

– Кто грохнул? – не понял дядя Гриша. – У меня такого на участке не было.

– В сорок первой квартире кто у тебя живет? В пятнадцатом доме?

– В сорок первой? – Дядя Гриша напряг память. – Ну, семья одна, Прошаковы, муж и жена.

– Так вот эта самая жена и пропала. Плохо свой участок знаешь, Перепелкин! – строго продолжал Абакумов. – В общем, так. Собирайся и сходи узнай, что там у них произошло. Потом доложишь. Все, исполняй!

В голосе зазвучали металлические нотки, и связь отключилась.

– Тьфу ты! – сплюнул дядя Гриша и повесил трубку.

Только этого еще не хватало! Танька пропала? Куда эта стервица могла подеваться? Небось хвостом крутанула да завихрилась куда-нибудь, свиристелка! А ему теперь разбирайся! Главное, наверняка эти клуши подъездные панику подняли, кто же еще? Неймется им! Фильмов всяких насмотрятся – и давай шум поднимать! У самих-то жизнь скучная. Надо же, в милицию додумались позвонить, дуры! А Абакумову, конечно, не до их звонков. Делать ему больше нечего, как без заявления каким-то левым делом заниматься! На это Перепелкин есть! Все на Перепелкина!

И главное, нету там ничего серьезного, вот что обидно! Уж кому знать Таньку Прошакову, как не ему! Пропала! Совсем бы провалилась, будь она неладна!

Так думал дядя Гриша, стоя в ванной с бритвенным прибором в руках. Нужно было хотя бы побриться перед выходом из дома, хоть как-то привести себя в порядок. Как на грех, жена куда-то задевала мыло, и дядя Гриша еще раз помянул ее недобрым словом. Найдя мыло на полке и наконец добрившись, он вышел из ванной и снова направился в свою комнату.

Не переставая расточать нелестные эпитеты в адрес своей половины, Перепелкин с трудом натянул форменные брюки и рубашку, пиджак, а на больную голову, содрав с раздражением вялый капустный лист, водрузил фуражку.

Протопав в коридор, он начал обуваться. Варвара Семеновна выглянула из кухни.

– Куда это намылился? – подозрительно спросила она.

– На службу! – рявкнул, не поворачиваясь, дядя Гриша, у которого в этот момент никак не развязывался шнурок на ботинке, который он еще вчера был не в состоянии развязать.

– Знаем мы твою службу! – противореча сама себе, поджала губы Варвара Семеновна. – Опять похмеляться идешь, алкоголик! Опять с Сучковым своим водку жрать! Вот напишу на вас обоих жалобу...

– Черт, еще шнурок этот! – взвился дядя Гриша, не слушая жену.

Дернув еще раз изо всех сил, он оторвал кусок шнурка и с удивлением рассматривал его жалкий обрывок, вертел в руках, потом повернулся к жене и с вытаращенными глазами заорал:

– А все ты, дура, под руку лезешь!

– Да я разве что... – начала жена, но дядя Гриша, швырнув в сторону кухни обрывок шнурка, в одном ботинке прошел в гостиную и рванул на себя ящик шкафа, где лежали всякие нужные хозяйственные мелочи.

Выбрав подходящий по цвету шнурок, он выдернул из ботинка остатки прежнего, вставил новый, обулся наконец как положено и, тяжело вздохнув, вышел из квартиры. Варвара Семеновна на этот раз даже не выглянула из кухни.

Старший лейтенант Перепелкин, очутившись на улице, поежился от вечернего холодка и пошел грузной походкой по двору. Путь его лежал в соседний двор, к Виктору Прошакову. Счастье еще лейтенантское, что пройти ему нужно было всего ничего. Однако и этого хватило, чтобы настроение Григория Петровича совсем испортилось. Погода была солнечной, хотя и прохладной, но почему-то это раздражило старшего лейтенанта еще больше.

Он проклинал всех баб вместе взятых. Сначала жену, эту дуру старую, потом теток дворовых неугомонных... Делать, что ли, бабам нечего, кроме как мужиков от дела отвлекать?

Как бы было хорошо сейчас заглянуть к Сучкову, перекинуться с ним в шахматишки партеечку-другую... Кстати, у него и водочка должна остаться после вчерашнего, не такой человек Сучков, чтобы сразу все растранижировать, он запасливый... Вот бы сейчас и опохмелиться заодно, согреться... А вместо этого нужно тащиться к Витьке Прошакову, лезть в его частную, можно сказать, жизнь! Тьфу! Главное, Витька-то мужик нормальный, и к нему участковый относится хорошо... Бизнесом занимается. Звезд с неба не хватает, но живет зажиточно. С бандитами вроде не связан. Сколько раз вон машину дяде Грише чинил, никогда лишних денег не брал. А теперь из-за этих дур отношения с ним портить... Э-э-эх! Провались бы они совсем!

Дядя Гриша пересек двор и поднялся на этаж в Витькину сорок первую квартиру... Дверь открыл хозяин, но дядя Гриша услышал доносившиеся из комнаты голоса, причем один из них был женским.

«Вернулась! – с облегчением подумал он про Татьяну. – Коза драная! Стоило в такую даль переться!»

– Здорово, дядь Гриш, – подал тем временем ему руку Виктор. – Ко мне? Машина, что ли, опять забарахлила? Так давай поглядим, я сегодня свободен.

– Да нет, Витян, – со вздохом, вытирая пот со лба, проговорил Перепелкин. – По другому делу я к тебе. По конфиденциальному, – добавил он.

– По-нят-но, – по слогам произнес Виктор. – Значит, и тебе уже настучали, что Танька пропала... И что, ты пришел ее здесь искать?

«Значит, не она, – отметил со вздохом про себя дядя Гриша. – Кто же тогда у него?»

– Поговорить я пришел, – со вздохом ответил он.

– Ну, заходи, поговорить можно. Чувствую я, что меня замучают теперь этими разговорами, – тоже вздохнул Виктор.

Дядя Гриша прошел в комнату, где увидел сидевшую в кресле незнакомую светловолосую женщину, одетую модно и явно дорого.

«Фу-ты ну-ты, щеголиха какая! – подумал он с явной неприязнью. – Вырядилась! А этому что здесь нужно?» – Дядя Гриша нахмурился, переводя взгляд на знакомого молодого мужчину.

В мозгах участкового, несмотря на то что был он с похмелья, через несколько секунд был готов ответ – это же сосед Виктора, живет в этом же доме, и звать-величать его Роман Батури. Адвокат, живет здесь недавно, женился на Иринке Шевцовой, которая жила вместе с матерью. Не прописан, следовательно, претензий на жилплощадь не имеет. Все эти сведения почти автоматически прокрутились в голове у Перепелкина.

Дядя Гриша, откровенно сказать, невзлюбил Батурина. Он не любил адвокатов вообще, более того – презирал их, считая, что они только и могут, что преступников от заслуженного наказания отмазывать. Дядю Гришу в этом смысле можно было понять: сколько раз за его практику после суда выпускали преступника, чья вина для всех была очевидна! Но проницательные адвокаты умудрялись доказывать обратное, и справедливость отдыхала.

«Может, у него просто машина сломалась? – решил дядя Гриша. – А эта бабенка чего тут делает? У него жена молодая дома сидит, а он тут с дамочками прохлаждается! Я ему покажу непорядок на моем участке!»

– Здравствуйте, – поздоровался Роман.

– Добрый день, – поприветствовала участкового и дамочка.

– Здравствуйте, – плюхаясь на стул, буркнул дядя Гриша, подозрительно оглядывая гостей. – А вы здесь в честь какого случая? У нас дело конфиденциальное, так что прошу все личные разговоры перенести!

– У нас тоже конфиденциальное, – с улыбкой объяснила женщина. – Кстати, меня зовут Лариса.

– Они тоже пропажей Татьяны интересуются, – пояснил Прошаков.

– Да? – недоверчиво покосился Перепелкин. – А с какой стати?

– Вообще-то, – вмешался Роман, – я как юрист имею на это полное право, если человек добровольно делится со мной информацией.

Дядя Гриша нахмурился, но возражать не стал, решив про себя, что черт с ними, пускай сидят! Вместо этого он посмотрел на Прошакова и сказал:

– Правда, что ли, пропала? Расскажи-ка мне, что у вас тут случилось...

– Ну что мне, все сначала, что ли, повторять? – вздохнул Виктор.

– Повтори, Вить, – просительно сказал дядя Гриша. – Достали меня уже эти курвы наши дворовые! Да еще башка трещит...

– Может, того? – подмигнул Перепелкину Виктор, кивая на бар.

Дяде Грише этот бар был знаком. Он знал, что там всегда есть водочка и другие, более экзотические для среднерусской глотки напитки. Сам Виктор вообще-то почти не пил, но на всякий случай, для угощения, так сказать, дорогих гостей, выпивка у него всегда имелась. И дядя Гриша, разумеется, предпочитал привычную водочку. И в другой раз участковый не отказался бы от предложения, но... Этот адвокат недоделанный, а с ним еще и эта белобрысая Лариса... Черт их знает, что у них на уме! При них лучше не пить на всякий случай.

Проклиная в душе и адвоката, и его спутницу, дядя Гриша важно развел руками:

– Не могу, Вить, служба... В другой раз. Ты пока все-таки расскажи. Чего у вас случилось-то? Небось поскандалили опять?

Виктор набрал в легкие побольше воздуха и рассказал дяде Грише то, что уже поведал Ларисе и Роману.

– Так-так. – Лицо Перепелкина нахмурилось. – А раньше она у тебя так исчезала?

– Нет, – покачал головой Виктор. – Но в этот раз она разошлась прямо! Никогда так не орала раньше!

– Слушай, – дядя Гриша понизил голос, – не мое, конечно, собачье дело, но... мужика у ней не было?

– Нет, – твердо ответил Виктор. – Вот это точно могу сказать. – Она всегда с работы – на работу. И дома сидит. Все. Никуда почти не ходила, да и потом...

Виктор слегка замялся и посмотрел на Ларису с Романом.

– Ладно, говори, чего уж, – подбодрил дядя Гриша.

Виктор махнул рукой и поближе придвинулся к Перепелкину.

– Я тебе как мужику скажу – холодная она баба, – доверительно поведал он. – Ей мужики-то не очень и нужны. Знал бы, дурак, что она такая, сроду бы не женился!

– А чего ж женился? – хмыкнул дядя Гриша.

– Молодой был, глупый. Мы же поженились сразу, как школу закончили. Приятельница нас познакомила, на мою голову. А потом Танька болела постоянно по-женски, вечно ей нельзя было... Даже ребенка не может иметь. Мне ее жаль, конечно, потому и живу с ней. – Виктор закончил свой рассказ и закурил.

– Н-да... – почесал дядя Гриша голову. – Ну а подруги-то у нее есть? Может, они в курсе?

– Есть, конечно, но немного. С работы в основном. Но я звонить им не буду! – категорически заявил он. – Пусть не думает, что я тут по ней с ума схожу!

– Вить, – нахмутив брови, произнес дядя Гриша, – я тебя прекрасно понимаю. Но можно же на работу позвонить.

– Да это одно и то же! – загорячился Прошаков. – Все равно что ей!

– Извините, но я думаю, что позвонить все-таки нужно, – вмешалась Лариса. – Если хотите, могу позвонить я, чтобы женский голос не вызвал у вашей жены подозрений.

Прошаков с Перепелкиным переглянулись. Виктор выглядел гораздо более дружелюбно. Перепелкин же насупился, задумался, потом наконец кивнул:

– Звоните, только лишнего не наговорите. Где, мол, она, и все такое. А подойдет – скажите, что вы соседка какая-нибудь.

– Хорошо, – кивнула Лариса. – Я все скажу как надо. Давайте телефон.

Виктор продиктовал рабочий номер Татьяны, и через некоторое время Лариса уже говорила по телефону. Лицо ее при этом все больше и больше хмурилось.

– Что там такое? – встревожившись, спросил Прошаков.

– Ее со вчерашнего дня нет на работе, – поворачиваясь к нему, ответила Лариса.

– А вы спросите, может, она за свой счет взяла? Или больничный? – вытирая пот со лба, попросил Виктор.

Лариса поговорила еще несколько минут, после чего повесила трубку. Некоторое время она молчала. Виктор, дядя Гриша и Роман во все глаза смотрели на нее.

– Не брала она больничный, – наконец сказала Лариса. – Ушла с работы позавчера вечером, и больше ее никто не видел. Не отпрашивалась и насчет больничного не звонила.

– Господи, – растерянно проговорил Виктор. – Это что же, выходит, она и в самом деле пропала?

– А вы хорошо смотрели дома, она записки никакой вам не оставляла? – предположила Лариса.

– Да нет, – уверенно ответил Виктор. – Она бы на виду лежала. Ничего такого я не находил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.